

SARAH ADDISON
ALLEN

Книги
Сары Эдисон Аллен

Садовые чары
Сахарная королева
Первые заморозки
Потерянное озеро
Очарованная луной
Хранитель персиков

*Сара Эдисон
Амлен*

Первые заморозки

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
А50

Sarah Addison Allen
FIRST FROST
Copyright © 2014 by Sarah Addison Allen
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17210-4

© И. А. Тетерина, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

*Чудесной Андреа Кирилло за веру
в странную книжечку про сад*

Глава 1

Бэй Уэверли-Хопкинс мчалась по Пендленд-стрит; рюкзак подпрыгивал за плечами, темные волосы летели за спиной, как стая черных дроздов. Хозяева окрестных домов всегда точно знали, когда она пробегает мимо, потому что их охватывало внезапное желание навести порядок в ящике с носками и заменить уже наконец перегоревшие лампочки, до которых все никак не доходили руки. Надо бы заняться наведением порядка, дружно думали они каждый день, когда Бэй после уроков спешила из школы домой. Но стоило ей пропасть из виду, как их мысли быстро возвращались в прежнюю колею: что приготовить на обед, почему муж в последнее время ходит мрачнее тучи и не подождет ли стирка до завтра.

До дома Уэверли оставалось всего ничего, и Бэй припустила еще быстрее. Это был старый затейливый особняк в стиле королевы Анны, с огибающей его широкой террасой и — что Бэй нравилось в нем

больше всего — причудливой башенкой с одной стороны. Этот дом появился в округе первым — в самом конце девятнадцатого века, еще даже до того, как был основан Орионовский колледж. В те стародавние времена, когда городок Бэском в Северной Каролине представлял собой не что иное, как перевалочный пункт на пути следования тех, кто стремился на запад, в горы. Все остальные дома на улице были построены уже позже, явно в подражание дому Уэверли, но сравниться с ним не мог ни один. Во всяком случае, в глазах Бэй.

Лестницу от тротуара к дому Бэй проигнорировала и бросилась бежать вверх по крутому зеленому склону, оскальзываясь на влажной после вчерашнего ливня траве. Резкий ветер, похоже, наконец принес в Бэском осень — без всякого предупреждения, точно в один взмах метлы. Ее холодное дыхание уже ясно чувствовалось в воздухе, и всюду были влажные опавшие листья: они лежали во дворах, на тротуарах, на проезжей части, налипали на машины. Казалось, весь мир припорошило смесью коричневого сахара и корицы.

Бэй повесила рюкзак на сук тюльпанового дерева во дворе и, не дождавшись даже, пока он перестанет качаться, через две ступеньки взлетела на крыльцо и распахнула дверь.

Пусть во внешнем мире и наступила наконец осень, в стенах дома Уэверли по-прежнему пахло летом. Сегодня был день лимонной вербены, и дом

полнился сладковато-терпким ароматом, который наводил на мысли о пикниках на свежем воздухе и белых облачках в форме сердца.

Может, все это была лишь игра ее воображения, но Бэй всегда казалось, что дом каждый раз слегка прихорашивается при ее появлении: мутные окна начинают блестеть чуть ярче, а покрывала на диванах сами собой расправляются. Мама говорила, Бэй слишком уж его любит, прямо как прабабушка Мэри. Сама Бэй прабабушку Мэри не застала и все же отчетливо понимала: в устах ее матери это отнюдь не комплимент. Мама, хотя и выросла в этом доме, никогда не чувствовала себя в нем по-настоящему своей.

Все еще пытаюсь отдышаться после пробежки по осеннему холоду, Бэй прошла через переднюю в гостиную, обставленную старой мебелью еще тех времен, когда прабабушка Мэри держала здесь пансион. Оттуда направилась в просторную кухню, оборудованную по последнему слову техники. Подошвы ее кроссовок, почти скрытых под обтрепанными штанинами мешковатых джинсов, закрепились на натертом полу.

В воздухе висели клубы приторно пахнущего пара. У плиты (их здесь было несколько) Бэй обнаружила свою тихую тетю Клер; ее короткие темные волосы были забраны разномастными заколками, явно позаимствованными у Марии, девятилетней дочери Клер. За этим самым занятием в этой

самой застывшей позе Бэй видела свою тетку последние четыре месяца: она помешивала все в тех же медных тазах смесь сахара, воды и кукурузного сиропа и разливала ее по все тем же формочкам.

Когда-то у тети Клер был вполне успешный бизнес по организации и обслуживанию банкетов, «Уэверли кейтеринг». О том, что Клер умела готовить из съедобных цветов, растущих вокруг кривой яблони на заднем дворе, ходили легенды. Все знали: если поручить Клер праздничный стол к юбилею, она сделает чесночный майонез с настурцией и бутоны тюльпанов, начиненные апельсиновым салатом, так что гости будут расходиться по домам, испытывая одновременно зависть и возбуждение. А если заказать у нее угощение ко дню рождения ребенка, она подаст крошечные, на один укус, клубничные кексики с засахаренными фиалками, от которых дети все как один будут примерно себя вести и хорошо спать днем. Еда, приготовленная руками Клер, обретала поистине волшебные свойства, когда она добавляла в нее свои цветы. В роду Уэверли женщины вообще были не такие, как все, но Клер уродилась самой необычной в их семье необычностей. И Бэй это очень в ней нравилось.

Но когда Клер чуть менее года назад организовала «Сласти Уэверли», все изменилось. Всю прошлую зиму Клер отчаянно искала средство, которое помогло бы вылечить вечно больное горло до-

чери, из-за чего та постоянно ходила без голоса и вынуждена была пропускать занятия в школе. Когда Мария заболела, в воздухе повисало буквально-таки осязаемое напряжение, как будто дом ломал руки. В один из таких дней, когда Клер не находила себе места от волнения за снова заболевшую ларингитом дочку, она услышала, как в ее кабинете, примыкавшем к кухне, что-то упало. И когда она пошла посмотреть, что случилось, то увидела на полу один из старых кухонных дневников бабушки. В нем-то Клер и нашла тот самый рецепт леденцов: он гнезвился между страницами с описанием способа отвадить от сада переливчатых зеленых букашек и списком ингредиентов для торта, приманивавшего мужей.

Леденцы исцелили больное горло дочери Клер, после чего весь город задался целью непременно попробовать новинку. Ведь во всем, что исходило от Уэверли, просто обязательно было проявляться что-то необычное. Когда мамы из школы прослышали про леденцы, они начали появляться на пороге у Клер в два часа ночи: им требовалось волшебное снадобье, способное облегчить боль в горле, что не давала детям (а следовательно, и их матерям) сомкнуть глаз всю ночь напролет.

К исходу зимы леденцы — нарядные, похожие на драгоценные камни конфетки размером с яйцо крапивника, обсыпанные сахарной пудрой, — стали сначала просить добавлять к заказам на празд-

ничные застолья, которые организовывала Клер, а затем и вовсе заказывать оптом к сладкому столу на выпускных вечерах и свадебных банкетах. Именно на свадьбе Люкса Ланкастера в Гарольд-Мэноре, где в качестве сувенира всем гостям преподнесли подарочные пакетики, в каждом из которых была маленькая баночка лавандовых леденцов с медовой начинкой от Клер, их впервые попробовала кузина Люкса, работавшая в журнале «Жизнь в южном стиле». На обратном пути домой, в Алабаму, она прямо в самолете одним духом накатала статью о магических лиловых карамельках. Слова изливались из нее сплошным потоком. Она практически не помнила, как писала, охваченная эйфорией и чувством легкого опьянения. Стоило статье появиться в журнале, как она мгновенно разлетелась по социальным сетям, и на Клер обрушилась лавина заказов. Теперь, когда слава Клер вышла за пределы Бэскома, всем хотелось побольше узнать об этих странных леденцах и о странной Клер Уэверли, которая их делала.

Когда Клер занималась только организацией банкетов, она нанимала помощников на масштабные торжества, все остальное же делала собственноручно. Ее бизнес был единственно возможным для нее размера, ровно такого, с каким она могла управиться самостоятельно. Теперь же ее леденцы снискали такую известность, что бизнес трещал по швам. Бэй каждый день после школы работала на

тетю Клер. Вдобавок Клер наняла еще одного подручного, студента кулинарных курсов при Орионовском колледже, по имени Бастер, и он трудился практически на полную ставку.

И все равно они ничего не успевали.

Переключившись с банкетов на сладости, Клер и сама изменилась. Вид у нее теперь был вечно замученный, она все время только и делала, что работала, а иногда на лице у нее появлялось почти ностальгическое выражение. Однако помощи она никогда ни у кого не просила, и никто не отваживался ее ей предложить. Одной из многочисленных странностей Клер было то, что если она не хотела что-то обсуждать, то способна была замкнуться со стремительностью захлопнувшейся мышеловки.

Когда Бэй в тот день, вернувшись из школы, вошла в кухню, Бастер, по своему обыкновению, разговаривал. Он мог молоть языком часами, заполняя кухню неумолчной болтовней, которая эхом отражалась от покрытых нержавеющей сталью стен.

— Ну, в общем, я ему сказал, что его хлеб никуда не годится, а он мне в ответ: «Тоже мне, король булок нашелся!» Король булок! Подумать только! В субботу мы идем на свидание.

Высокий и полногубый, Бастер коротко стригся и красил концы волос в синий цвет. Заметив наконец, что пришла Бэй, он оторвался от свежеприготовленной порции леденцов, которые посыпал через ситечко сахарной пудрой.

— Привет, красотка. Опять опоздала на свой автобус? Я как раз рассказывал Клер про парня, с которым познакомился на занятии по выпечке хлеба. Терпеть его не могу, но не исключено, что он моя вторая половинка.

— Король булок? — переспросила Бэй. — А что, мне нравится.

— Меня от хлеба уже просто тошнит, честное слово. Скорее бы следующий семестр, будем заниматься мясом. А сегодня что у тебя на футболке написано? — поинтересовался Бастер у Бэй.

Она развернулась лицом к нему, и он прочитал вслух:

— «Лень родилась раньше меня». Ой, я тебя умоляю. Сама уже небось все уроки по дороге в автобусе сделала. Какие у тебя планы на ближайшие выходные? Я слышал, в субботу у вас в школе будет дискотека по случаю Хеллоуина. Уже решила, с кем пойдешь? С кем-то конкретным?

Он многозначительно повел бровями, одна из которых была украшена пирсингом.

Бэй почувствовала, как щеки у нее предательски запылали, поэтому отвернулась и направилась к раковине. Там она тщательно вымыла руки и надела фартук.

Клер все это время наблюдала за племянницей, однако не проронила ни слова. В отличие от ее матери, между Бэй и тетей Клер царило молчаливое взаимопонимание. Клер понимала все про Бэй без всяких слов. Два месяца назад, едва Бэй вошла

в кухню после первого дня в десятом классе, перейдя из чистилища средней школы в старшую, Клер сразу же уловила: что-то произошло. Мама тоже это почувствовала, но смутно. Клер же немедленно ухватила суть и без обиняков осведомилась: «Кто он?»

— Нет. Ни с кем я не иду, — бросила Бэй, по-прежнему стоя к Бастеру спиной. — Я обещала помочь с украшением зала.

— С таким лицом — и парни за тобой табунами не бегают? — прищелкнул языком Бастер. — Не понимаю я их.

— Был бы здешний, понимал бы.

— Ой, я тебя умоляю. В этом городе все так говорят, как будто, чтобы что-то понимать, нужно здесь родиться. Я прекрасно все понимаю. Каждый имеет право на свои странности. Ладно, — Бастер обернулся к Клер, снимая фартук, — раз подкрепление прибыло, пойду-ка я на смену на рынок.

— И сколько всего у тебя сейчас работ? — заинтересовалась Бэй.

— Всего три.

— И у тебя еще остается время бегать по свиданиям?

Бастер закатил глаза.

— Ой, можно подумать, это так уж обременительно. Пока, девочки! — бросил он им уже на ходу.

Еще несколько секунд спустя до них донесся его крик из передней:

— Дверь снова не открывается! Я в ловушке! Мне суждено погибнуть в этом доме, так и не изведав истинной любви! А, все. Открылась! Смажьте уже кто-нибудь петли!

Когда входная дверь закрылась, Клер обернулась к Бэй.

— Я тут подумала... Я могла бы кое-что для тебя сделать. Чтобы ты угостила того мальчика, ну, который тебе нравится, — сказала она, старательно избегая произносить вслух его имя. — Испечь мятное печенье и сделать чай с сиропом из жимолости. Мята проясняет мысли, а жимолость помогает видеть. Тогда он точно обратит на тебя внимание.

Бэй покачала головой, хотя уже не раз обдумывала такую возможность. Хотя бы ради того, чтобы тетя Клер снова приготовила бы что-то отличное от леденцов.

— Сомневаюсь, чтобы он стал есть что-то из моих рук. Он поймет, что это приготовила ты.

Клер понимающе кивнула, хотя на лице у нее отразилось легкое разочарование.

Внезапно Бэй прижала ладонь к груди, как будто не могла больше этого выносить. Как будто там, внутри ее грудной клетки, скрывался тугой жилистый узел. Иногда она испытывала настоящую физическую боль.

— И так бывает всегда?

— Тебе лучше поговорить об этом с мамой, — сказала Клер просто, но в глубине ее спокойных карих глаз плескалось сочувствие.

Несмотря на все различия во внешности, в темпераменте, да во всем, Клер с мамой Бэй ежедневно перезванивались. Иногда, зайдя в гостиную, Бэй обнаруживала свою мать, Сидни, листающей журналы с прижатой к уху телефонной трубкой. При этом она не произносила ни слова. Из трубки тоже не доносилось ни звука.

— С кем ты разговариваешь? — спрашивала Бэй.

— С Клер.

— А почему вы обе молчите?

— Мы просто проводим время вместе, — пожимала в ответ плечами мама.

В детстве сестры Уэверли не были особенно близки, теперь же стали просто неразлейвода, как это нередко случается с повзрослевшими братьями и сестрами, когда они осознают, что родственные узы на самом деле вовсе не обязывают поддерживать отношения. Бэй не слишком много знала об их детстве, но из обрывков разговоров, которые ей ребенком удавалось уловить сквозь открытые окна и спрятавшись за диванами — единственным доступным ей способом узнать хоть что-то интересное, — она сделала вывод, что росли они практически сиротами. Их непутевая мать, мятущаяся, пропадающая душа, привезла их в дом Уэверли, когда Клер было шесть, а Сидни только родилась. Вырастила девочек их нелюдимая бабка Мэри. Клер приняла наследие Уэверли легко и непринужденно, Сидни

же долго и упорно отказывалась признавать, что не такая, как все. И, откровенно говоря, Бэй до сих пор не была уверена, что ее мать, при всей своей необычности, окончательно ее приняла. В том числе и по этой причине Бэй ближе была ее тетка.

Как бы то ни было, рассчитывать на то, что Клер ничего не расскажет сестре про того мальчика, не приходилось.

— Я не думаю, что мама поймет, — сказала Бэй.

— Она поймет. Поверь мне.

— Ты знаешь меня лучше, чем она.

Клер покачала головой:

— Это не так.

Бэй отвернулась и устремила взгляд в окно над раковиной. Задний двор был обнесен высокой решетчатой изгородью, увитой буйно разросшейся жимолостью. Местами она достигала двух футов в толщину и была увенчана, точно кладбищенская ограда, остроконечными декоративными крестовцветами. Яблоню из окна было не видно, но Бэй знала, что она там. Это знание всегда поддерживало и ободряло ее.

— Наконец-то начало холодать. Когда зацветет яблоня? — спросила она.

Осень была единственным временем года, когда странная старая яблоня, росшая на заднем дворе за домом Уэверли, — яблоня, появившаяся там задолго до самого дома, — стояла голой. По никому

не понятным причинам яблоня цвела всю зиму, а потом всю весну и часть лета плодоносила маленькими розовыми яблоками. С этой яблоней у Бэй были связаны некоторые самые теплые воспоминания: как она, маленькая, лежит под ее раскидистой кроной, глядя, как Клер работает в саду, а яблоня тем временем забрасывает ее яблоками, точно собака, пытающаяся заставить хозяина поиграть с ней в мячик. Но с приближением осени дерево в одну ночь роняло листву и стояло, жалобно гремя голыми ветвями, пока первые заморозки вновь не возвращали ее к жизни. Ее досада передавалась всему семейству.

— Календарь обещает в этом году первые заморозки на Хеллоуин, — сказала Клер. — Начиная с субботы.

— Что-то поздновато. Даже и не помню, когда в прошлый раз они были так поздно. Ты будешь устраивать праздник? — с надеждой спросила Бэй.

— Ну разумеется, — отозвалась Клер, мимоходом чмокнув племянницу в макушку. Держа в руке медный таз, она принялась разливать по маленьким круглым формочкам терпкий желтый сироп из лимонной вербены, чтобы застыл. — Мы всегда празднуем первые заморозки.

В тот осенний день, когда яблоня зацвела и первые белоснежные лепестки опали на землю, словно снежинки, Уэверли по традиции собирались в саду, точно выжившие в какой-то чудовищ-

ной катастрофе, обнимаясь и смеясь, касаясь лиц и рук друг друга, будто желая удостовериться, что со всеми все в порядке, и радуясь, что все они уцелели и остались в живых. Это было облегчение, возвращение их миру прежнего порядка. В преддверии первых заморозков всеми ими овладевало какое-то беспокойство; они легко теряли голову, желали недостижимого, отвлекались, становились неловкими и слишком легко поддавались чужому влиянию. Первые заморозки приносили с собой облегчение, так что праздновать их наступление всегда была веская причина.

После этого все становилось на свои места.

Бэй не могла дождаться, когда этот день наконец наступит.

В последнее время все так запуталось, что до тех пор очень многое могло пойти не так.

Уже смеркалось, когда Бэй, проработав несколько часов бок о бок с теткой, попрощалась с ней и дворами отправилась в город.

В сквере на центральной площади она еще издали заметила незнакомого пожилого мужчину: в одиночестве тот стоял посреди зеленой лужайки с выдавшим виды кожаным чемоданом у ног.

В нем было что-то магнетическое. От него исходило ощущение молчаливой самодостаточной уверенности в себе, как будто, удостоив тебя всего лишь взглядом или улыбкой, он делился с тобой

секретом, который — он знал это наверняка — изменит твою жизнь, изменит вообще все. Наверное, он был проповедником. Или политиком. Или торговым агентом.

Бэй ненадолго задумалась. Да, он определенно торговый агент.

Она даже остановилась на своей стороне улицы, чтобы посмотреть на него, чего обыкновенно старалась не делать, поскольку знала: людям от этого становится не по себе. Однажды, когда она слишком долго и пристально смотрела на одну женщину в продуктовой лавке, та вышла из себя и заявила Бэй:

— Мое место рядом с ним. Он собирается уйти от своей жены. Даже не пытайся сказать мне, что это не так.

Это стало для Бэй полнейшей неожиданностью: во-первых, она даже не подозревала, что у Ионы Энгл роман на стороне, а во-вторых, ее внимание всего лишь привлекли травинки у Ионы в волосах — не далее как час назад та кувыркалась на берегу реки с чужим мужем. Но люди неизменно относились к ней с подозрением, поскольку в этом и заключался дар Бэй. Ну или ее проклятие, как сказала бы мама. Бэй всегда знала, где место какой вещи. Точно так же, как тетя Клер обладала даром готовить необычные блюда из съедобных цветов, которые росли в саду Уэверли, а мама — сверхъестественной способностью управляться с волоса-

ми: сделанная ее руками стрижка могла необъяснимым образом перевернуть всю жизнь. Бэй же способна была в незнакомом доме убрать столовое серебро в точности в нужный ящик, а на парковке безошибочно определить, к какой машине направляются люди, которых она видела в первый раз в жизни.

Незнакомец меж тем, сунув руки в карманы, невозмутимо разглядывал окрестности: туристические лавки, фонтан на лужайке — место регулярных сборищ студентов Орионовского колледжа. Его заинтересованный взгляд на миг задержался на скульптуре у фонтана, изваянной лучшим студентом факультета искусств этого самого колледжа. Скульптуры каждый год менялись. В этом году это был цементный бюст основателя Орионовского колледжа, Горация Дж. Ориона, восьми футов в высоту и десяти в ширину. Гигантская голова из серого цемента наполовину утопала в траве, так что видна была лишь верхняя ее часть, от носа и выше. Гораций Дж. Орион выглядел так, как будто задумал воскреснуть из мертвых и выглядывал из-под земли, прикидывая, стоит ли игра свеч. По правде говоря, эта исполинская голова в самом центре города представляла собой довольно забавное зрелище. За несколько месяцев с момента ее установки местные жители уже слегка утратили к ней интерес, и все же, когда сплетничать было больше не о чем, она с успехом служила темой для разговора.

Ветер утих, но седые волосы незнакомца и штанины его брюк слегка колыхались, будто он каким-то образом приманивал к себе ветер, примерно как приманивают птиц, что слетаются на зернышки.

Наконец его очень светлые, какие-то серебристые глаза остановились на Бэй. Их разделяла дорога, но, как ни странно, все машины куда-то исчезли. Он улыбнулся, и это оказалось в точности так, как подозревала Бэй. Казалось, он может рассказать ей обо всем, что ей хотелось бы услышать.

— А не подскажете ли вы мне, случайно, — произнес он, — в какой стороне Пендленд-стрит?

Бэй слегка замешкалась, опешив от такого совпадения. Дом Уэверли, откуда она только что пришла, находился как раз на Пендленд-стрит. На этой улице, длинной и извилистой, стояли все самые старые дома в Бэскоме — огромные, еще хранившие следы былого величия дома, привлекавшие к себе туристов. Он мог направляться в любой из них. Бэй покосилась на его потрепанный чемодан. Наверное, ему нужна гостиница.

Она указала назад, туда, откуда только что пришла.

— Благодарю вас, — сказал мужчина.

Будто из ниоткуда снова появились машины, поехали в обоих направлениях по запруженной центральной улице, загораживая Бэй обзор. Она поспешила к ближайшему почтовому ящику и забралась на него, держась за фонарный столб.

Но сквер был уже пуст. Незнакомец исчез.

Бэй собиралась уже слезть с ящика, когда мимо проехал голубой «фиат». Внутри сидели четыре самые мажористые девицы из школы Бэй: Тринити Кейл, Дакота Олсен, Рива Александер и Луиза Хэмиш-Холдем. Луиза высунулась из окна и нараспев прокричала Бэй:

— Мы едем к Джошу! Не хочешь передать ему еще одну записочку?

Бэй, привычная к таким выходкам, только вздохнула, провожая машину взглядом. Потом спрыгнула с почтового ящика и пошла через сквер к салону своей матери.

Добравшись до места, она обнаружила, что мама всецело поглощена разговором с последней клиенткой. Сидни исполнилось тридцать восемь, но выглядела она моложе. Одевалась она весьма смело, предпочитая шорты с полосатыми колготками и винтажные платья пятидесятих годов. Кожа у нее была гладкая и нежная, а волосы она красила в восхитительный оттенок карамели. Как правило. Сегодня Бэй могла бы поклясться, что в них появились новые ядерно-рыжие пряди, которых еще утром там не было.

Бэй сбросила рюкзак на пол рядом со стойкой, за которой крепко спала в своем кресле Вайолет, новая (и на редкость бестолковая) администраторша. Даже слегка похрапывала. Вытащив из рюкзака потрепанную книжку в мягком переплете, Бэй показала ее матери, потом ткнула большим пальцем

в сторону двери и сказала, что пойдет пока почи-
тает на улице.

Сидни кивнула и посмотрела на Бэй взглядом, в котором недвусмысленно читалось «ну когда же ты наконец получишь права». Она уже который месяц капала Бэй на мозг, чтобы та записалась на курсы вождения. Но Бэй не желала учиться водить машину. Если она согласится на это, никто не знает, в какое дурацкое положение она может поставить себя в преддверии первых заморозков. Нет уж, ее вполне устраивает передвигаться на своих двоих, добираться до тети Клер на автобусе, а по вечерам ждать, когда мама освободится после работы.

Избыток свободы — слишком опасная вещь для влюбленной девушки.

— Возьми телефон, — сказала Сидни. — Я позвоню, если освобожусь пораньше.

Неохотно вернувшись к своему рюкзаку, Бэй вытащила оттуда телефон и сунула в карман.

Мама утверждала, что она, наверное, единственный подросток в мире, который не любит разговаривать по телефону. Это было не совсем так. Просто, кроме мамы, ей никто не звонил.

Бэй прошла через сквер, мимолетно задавшись вопросом, куда подевался странный незнакомец. Может, ей стоит вернуться к тете Клер и посмотреть, не к ней ли он направлялся? Но в таком случае она не успела бы дойти до дома Джоша Мэтти-сона и назад к тому времени, как мама закончит с последней клиенткой.

Аллен С. Э.

A50 Первые заморозки : роман / Сара Эдисон Аллен ; пер. с англ. И. Тетериной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-389-17210-4

Каждая женщина в роду Уэверли обладает магическим даром. Клер умеет готовить из цветов волшебные леденцы, а ее сестра Сидни делает искусные стрижки, способные необъяснимым образом перевернуть жизнь человека. У пятнадцатилетней Бэй, дочке Сидни, особый талант — она точно знает, на каком месте должна находиться та или иная вещь.

И вот приходит долгожданный октябрь с его первыми заморозками, которые в семье Уэверли отмечают как праздник, в саду — как обычно! — зацветает старая яблоня, и в доме наступают перемены. Но к лучшему ли они? В городе появляется загадочный незнакомец, который уверяет Клер, что она вовсе не принадлежит к семье Уэверли, поэтому ее дар — ненастоящий. Предприятие по производству чудесных леденцов оказывается под угрозой...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

САРА ЭДИСОН АЛЛЕН
ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЗКИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Анна Быстрова, Светлана Федорова

Подписано в печать 10.09.2019. Формат 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MJJ-25713-01-R